

ОБРАЩЕНИЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ЧЕХИИ К ТВОРЧЕСТВУ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО: А. Л. БЕМ И ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЙ МЕТОД ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ*

Юлия Ивановна Щербина

Кандидат философских наук, младший научный сотрудник
Международной лаборатории исследований русско-европейского
интеллектуального диалога. Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики».
Российская Федерация, 105066, Москва,
ул. Старая Басманная, д. 21, стр. 4.
E-mail: juliamyth@gmail.com

Аннотация. Чешские интеллектуалы, среди которых в 1920-е годы оказались выходцы из России, проявляли особый интерес к творческому наследию Ф. М. Достоевского. В статье раскрываются основные причины этого феномена. Немаловажную роль в изучении творчества писателя сыграла «Русская акция помощи» и «русский след», оставленный изгнанниками в Праге. В этом контексте показательна фигура Альфреда Людвиговича Бема, который интересен не только как исследователь, посвятивший творчеству писателя множество работ, но и как один из создателей первого Международного общества Достоевского. Бем одним из первых применил психоанализ к интерпретации художественных произведений Достоевского и рассмотрел специфику использования этого метода в литературоведении. Автор раскрывает методологическое основание интерпретации, осуществленной Бемом, обращая внимание не только на связь темы «Достоевский и его читатель» и психоанализа («метод мелких наблюдений» Бема), но и на истоки этой интерпретации, связанной с формальной школой в литературоведении. Подчеркиваются недостатки психоанализа как способа интерпретации художественного произведения.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, А. Л. Бем, психоанализ, русская литература, чешская интеллектуальная традиция.

Ссылка для цитирования: Щербина Ю. И. Обращение русской эмиграции в Чехии к творчеству Ф. М. Достоевского: А. Л. Бем и психоаналитический метод интерпретации художественного произведения // *Философические письма. Русско-европейский диалог.* 2020. Т. 3, № 4. С. 146–157.

DOI: 10.17323/2658-5413-2020-3-4-146-157

* Статья подготовлена в ходе проведения работы в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

В интеллектуальной чешской среде интерес к Достоевскому проявился в конце XIX столетия. Как отмечал Франтишек Каутман, наиболее авторитетный исследователь его творчества, книги писателя выходили в переводах на чешский вскоре после русских изданий (Каутман, 2013: 330). Пражанин Ф. Кафка еще в то время, когда Чехия входила в состав Австро-Венгерской империи, был прекрасно знаком с идеями Достоевского и строил свои произведения в осознанном диалоге с ним. Популярность писателя усиливалась или ослабевала в зависимости от политического и социального контекста, однако интерес к нему неизменно сохранялся. Это обусловлено несколькими причинами.

Во-первых, период конца XIX — начала XX веков для чешских мыслителей ознаменовался постановкой проблемы национальной идентификации среди других славянских народов и культурного самоопределения внутри имперской Австро-Венгрии. По их мнению, Достоевский оказался мыслителем, сумевшим определить специфику русского народа, и по предложенной им модели чешские интеллектуалы надеялись очертить характер собственной нации. Именно такую задачу ставил перед собой философ и политический деятель Т. Г. Масарик в работе «Россия и Европа»: «Никто другой из русских не анализировал так, как он, интимные душевные стороны своего народа; никто другой не пытался так, как Достоевский, понять исторические и социальные факты как проявления русской души и психологически объяснить основные движущие силы русской государственной и национальной жизни» (Масарик, 2003: 5).

Во-вторых, в период между мировыми войнами чешские интеллектуалы видели в Достоевском философа, приоткрывшего тайну устройства человеческой личности и сформулировавшего принцип, согласно которому может развиваться мир человека. Как пишет Милуша Бубеникова, «произведения Достоевского стали естественной, живой составной частью чешской культуры и, парадоксально, им занимались, пытаясь понять некоторые тенденции развития мира...» (Бубеникова, 2012: 23).

Наконец, в-третьих, — и это, пожалуй, одна из главных причин — интерес к писателю продиктован «русским следом» в чешской культуре. В 1920-е годы для русских мыслителей, как эмигрантов, так и изгнанников, Прага стала одним из интеллектуальных центров. Здесь работали Р. О. Якобсон, А. Л. Бем, Н. О. Лосский, Д. И. Чижевский, Н. Е. Осипов и др. В Праге выходили работы русских философов на их родном языке. Определяющей для понимания Достоевского-философа стала публикация книг Н. А. Бердяева «Миросозерцание Достоевского» (1923) и Д. С. Мережковского «Толстой и Достоевский» (1929).

Особое значение имела и деятельность русских эмигрантов, живших в Праге, в первую очередь Альфреда Людвиговича Бема (1886–1945?). Так, именно в это

время преимущественно по его инициативе здесь был создан Семинарий по изучению произведений Достоевского, где читали доклады Н. Лосский, Чижевский, Осипов и др., с чешской стороны — писательница Анна Тескова, литературовед Иржи Горак, историк литературы Ян Махал. На базе Семинария было создано первое Международное общество Достоевского (1930–1939, возобновлено в 2004). Плодотворная деятельность русских эмигрантов осуществлялась при поддержке чешских политиков. Все это стало возможно благодаря «Русской акции помощи», последовательно проводимой первым президентом Чехословакии Т. Г. Масариком, который также был одним из ярчайших национальных исследователей творчества Достоевского, первым обратившим внимание в чешской интеллектуальной среде на важность романа «Братья Карамазовы» в творческом наследии писателя.

Обращение к Достоевскому, таким образом, было вызвано внутренней культурной потребностью и воздействием извне. Именно Бем может быть охарактеризован как ключевая фигура в чешском достоевведении. Он стоял у истоков институционального закрепления интереса к писателю и в то же время выступал инициатором дискуссий по вопросам, связанным с его творчеством. Под его руководством издано несколько сборников под общим названием «О Достоевском». Он посвятил писателю ряд оригинальных статей и был одним из первых мыслителей, применивших психоаналитический метод в интерпретации его произведений.

Бем, выступивший не только организатором, но и интеллектуальным лидером созданного Семинария, стал автором ряда работ, посвященных писателю: «Эволюция образа Ставрогина» (1930), «Достоевский — гениальный читатель» (1931) и «Сумерки героя (Этюд к работе: Отражение “Пиковой дамы” в творчестве Достоевского)» (1931), «Фауст в творчестве Достоевского» (1937), «Достоевский. Психоаналитические этюды» (1938) и др. Их анализ позволяет определить, по каким путям шла мысль интерпретатора. Первое, что его интересовало, это проблема «Достоевский как читатель», вскрывающая истоки его творчества. Второе — место Фауста в образной системе Достоевского. Третье — принципиальный вопрос о допустимости интерпретации его произведений в духе психоанализа. Наиболее значимыми с точки зрения методологии, к которой Бем прибегает, могут быть названы две: читательская и психоаналитическая. Необходимо отметить, что обе они в рассуждениях исследователя тесно переплетаются, однако, как показывает С. Давыдов, «в использовании внелитературных подходов Бем всегда руководствовался строгими литературными критериями» (Давыдов, 1995: 94).

Бем рассматривает Достоевского в первую очередь как читателя других авторов. В отличие от иных интерпретаторов, обращающих внимание на влияние западной литературы (Гете, Гофман, Бальзак и др.), он раскрывает преемственные связи между писателем и русской традицией. Обозначение связей Достоевского с европейской словесностью «ничего не прибавит к нашему пониманию самой сути его творчества» (Бем, 2001: 36), поскольку «вся проблематика Достоевского <...> уже заложена была в творчестве его предшественников» (Там же: 23). Значимость связи Достоевского и русской литературы отмечает и философ Вяч. Иванов, на которого в исследовании ссылается Бем. Иванов, однако, указывает не столько на общеисторическую преемственность Достоевского и русских писателей предыдущих поколений, сколько в некотором смысле на их метафизическую связь:

«О влиянии отечественной словесности, несмотря на заявление самого Достоевского, что вся плеяда беллетристов, к которой он причислял и себя, есть прямое порождение пушкинской поэзии, — я не упоминаю, так как связь его с великими русскими предшественниками кажется мне лишь общеисторической, а не специально технической: здесь соприродность душ и преемство семейного огня, здесь закономерное и все более широкое осознание нами залежей нашего народного духа и его заветов, здесь последовательное раскрытие внутренних сил и тяготений нашего национального гения: здесь органический рост, а не воздействие извне привходящего начала. О Пушкине говорил Достоевский в силу вдохновенной веры, что нам нужно только развить намеки Пушкина на присущее ему целостное созерцание русской жизни и русской души, чтобы окончательно постичь себя самих, как народную личность и народную участь» (Иванов, 1987: 407).

Современные исследователи указывают на утверждение идеи преемственности произведений Достоевского и других русских писателей как центральной для работы Бема «Достоевский — гениальный читатель». Например, М. А. Васильева обратила внимание на то, что эта идея оказалась важной для его концепции «генетической памяти» (Васильева, 2009: 171). Данное понятие исследовательница считает одним из наиболее значимых для теории «литературных припоминаний», которая разворачивается мыслителем в рамках Семинария по изучению творчества Достоевского.

Бем отмечает, что особое влияние на Достоевского оказали Грибоедов, Пушкин и Гоголь. Что касается Грибоедова, то здесь для Бема прежде всего важен образ Чацкого и то, как именно он проявляется сразу в нескольких произведениях Достоевского. Этот образ волнует писателя не потому, что Чацкий максималист.

Он — воплощение полной неприспособленности к жизни, а характер его является абсолютно фантастическим¹. Достоевский особо отмечает не ум, а сердце главного героя «Горя от ума». Бем в пассаже о том, как некоторые герои Грибоедова воскресают у Достоевского в другой обстановке, пишет:

«Читатель Достоевский здесь переосмысливает запомнившиеся ему художественные образы, переносит их в другую среду и другую обстановку, но основная их композиционно-художественная роль остается одинаковой. Задача их — выпуклее подчеркнуть бессмысленное “беснование” определенной общественной группировки» (Бем, 2001: 40).

Это, например, происходит в «Униженных и оскорбленных». Однако ярче всего влияние Грибоедова сказывается в романе «Идиот». Князь Мышкин становится смесью характеристик Чацкого, Дон Кихота и Рыцаря Бедного. Характер его совершенно фантастичен «в своеобразном понимании Достоевского» (Там же: 41). Бем характеризует Мышкина следующими словами:

«Отсутствие чутья к реальности, жизнь в мире фантазии и сочиненных образов, непонимание обстановки и людей. И на этой почве — крушение при столкновении с действительностью; трагедия мечтателя-фантаста, приводящая к глубокому разочарованию или даже гибели» (Там же).

Кроме того, князь Мышкин представляется некоторым другим людям безумным, что вызывает у них страх. Его так же, как и Чацкого, характеризует «любовь к сочиненной женщине». В конце концов, он оказывается непригоден к жизни в светском обществе, поскольку все время поступает не так, как от него ожидают. Более того, Мышкин не понимает, чего именно от него ждут. В светском обществе он скорее неловок, не соответствует обстановке и общей атмосфере, выбивается из общей массы представителей этого общества, как бы «выпадает» из общей картины светскости.

Однако наибольшее влияние на Достоевского, по мнению Бема, оказали произведения Пушкина. Он пишет: «...претворяя в своем творчестве пушкинские образы, он [Достоевский. — Ю. Ш.] немедленно перетолковывает их, заставляя жить их иной жизнью, бурной и трагической, такой, какой только и могут жить герои Достоевского» (Там же: 45). Так, за спокойным повествованием «Пиковой дамы» русский писатель рассматривает проблему преступления и наказания, за

¹ Отметим, что слово «фантастический» значимо для Бема и в контексте рассмотрения произведений Достоевского с точки зрения психоаналитического метода.

игрой — развивает повествование о безудержной страсти, которая была так ему знакома, за образом скупого рыцаря рассматривает проблему власти. Бем подчеркивает, что в таком видении произведений Пушкина особенно ярко видна формула Достоевского — «там, где нет веры, там не может быть морали» (Там же).

Очень интересны мысли Бема, касающиеся влияния «Пиковой дамы» на творчество писателя. Он пишет, что Достоевский

«...по-иному раскрывает перед нами внутренний смысл “Пиковой дамы”, открывает в ней такие глубины, которые никем еще не были предчувствованы. “Две неподвижные идеи не могут вместе существовать в нравственной природе”, — говорит мимоходом Пушкин, а Достоевский немедленно раскрывает смысл этого пушкинского афоризма. Две страсти не могут одновременно ужиться в одной душе, и одна неизбежно поедает другую» (Там же: 46).

По мнению исследователя, именно это происходит в романе «Игрок». Алексей Иванович, поглощенный любовью к Полине, в тот самый миг, когда она наконец-то готова отдать ему свое сердце, вдруг срывается ночью в игорный дом. И это переворачивает его, трансформирует личность — одна страсть уступает другой. Происходит метаморфоза, которую Полина чувствует и не может принять.

Важным для Достоевского мотивом становится также и «Скупой рыцарь». Он связан с «желанием утвердить свою волю над всем» (Там же: 48). Однако наиболее значителен именно образ Германна из «Пиковой дамы» Пушкина, которого Бем прямо называет родоначальником фантастических героев Достоевского. Он прослеживает мотивы германновского поведения, начиная с Макара Деушкина, затем — у господина Прохарчина. А после — у Раскольникова, Алексея Ивановича, а также у Ставрогина. Особенно элегантно удается Достоевскому изобразить сцену завершения романа Лизы и Ставрогина после проведенной вместе ночи, которая перекликается с ночным свиданием Германна и Лизы в «Пиковой даме». образу Ставрогина Бем посвящает отдельную статью.

Наконец, третьим значимым для Достоевского писателем становится Гоголь. Однако его произведениями, по мнению Бема, Достоевский скорее недоволен:

«Гоголь очень рано стал вызывать в Достоевском чувство неудовлетворенности, почти раздражения, которое находило выход в художественной полемике с ним. Жуткий мир гоголевского маскарада <...> не вызывал в Достоевском смеха, а требовал немедленного отклика, вызывал потребность вдохнуть жизнь во все эти подобия людских существ, очеловечить гоголевские миражи чувствами любви и сострадания» (Там же: 53).

Важными мотивами, взятыми у Гоголя, стали:

- проблема личности, возможность ее потери, разрушения цельности, причинной чему становилась вина и «трагедия совести»;
- проблема самозванства, проблема «своего места».

По мнению Бема, именно у Гоголя можно найти зачатки истории Великого Инквизитора. Он делает такой вывод, связывая Великого Инквизитора и раннюю работу Достоевского «Хозяйка», идея которой, в свою очередь, берет начало от произведения «Страшная месть» Гоголя. Как отмечает Бем, «загадочное порабощение человека человеком, рабство воли и добровольное отдание себя во власть другого — вот проблемы, учуянные Достоевским в истории Катерины из «Страшной мести»» (Там же: 55).

Однако в работе Бема «Достоевский — гениальный читатель», на наш взгляд, наиболее значимо даже не то, что он обращается к влиянию других русских писателей на Достоевского, но как именно он прочитывает чужие тексты. В этом смысле Бем стоит у истоков одной из самых значимых проблематик XX столетия, таких как интертекстуальность и семантическая поэтика. Будучи учеником С. А. Венгерова, который особо отмечал, что Достоевский является прекрасным читателем (Венгеров, 1915), Бем строит свою концепцию. В ней творчество мыслителя объясняется на основе «конструктивного» прочтения им литературных произведений на ранних этапах писательского становления. Концепция Бема — следствие применения формального метода в литературоведении, который широко обсуждался как русскими формалистами-литературоведами в России (Б. Эйхенбаум, Ю. Тынянов, Б. Шкловский и др., заметим, что все они — участники семинара Венгерова в Санкт-Петербургском университете), так и Р. Якобсоном в рамках Пражского лингвистического кружка. Формальные основания Бема, конечно, не вытекают напрямую из семинаров Венгерова. Здесь важны два момента. Во-первых, Венгеров говорил о «героическом характере русской литературы», следствием чего являлось уважительное отношение к автору, который оказывается центральной фигурой произведения. Во-вторых, пушкинский семинар Венгерова был организован с дальним прицелом на словарь языка Пушкина. Он работал со словом, в чем и можно усмотреть исток формального метода.

Свои аргументы Бем выстраивает на известных формальных основаниях анализа литературных текстов, во-первых, из самого произведения как «законченного продукта творчества»; во-вторых, из целостности автора, «единства личности творца». Этой же позиции придерживались и представители формальной школы — Эйхенбаум, Тынянов и Якобсон. Постановка проблемы, как Достоевский читает произведения других писателей, в некотором смысле оказывается предтечей ре-

цептивной эстетики много более позднего этапа европейского литературоведения (1960-е годы), определяющей читателя в качестве активного агента, который дает тексту жизнь и придает ему реальное существование, конструирует его посредством собственной интерпретации. Таким образом, читатель помогает тексту обрести существование.

На описанных выше позициях основывался «метод мелких наблюдений» Бема. Его интересовала не общая картина создания и последующей интерпретации произведения, а не всегда очевидные детали. Он двигался по восходящей, от малого к большому. Сам Бем отмечал связь этого метода и психоанализа: «Применение метода “мелких наблюдений”, опирающегося до определенной степени на достижения школы Фрейда в области изучения бессознательного, нередко помогает исследователю в этом случае выбрать верный путь» (Бем, 1936: 115). Как отмечает О. Е. Осовский, «...хотя психоаналитическая методика не стала для Бема единственно возможной при анализе литературных произведений, опыт использования последней не прошел для него без следа» (Осовский, 2005: 66). Этот метод применительно к интерпретации литературных произведений Бем разворачивает в работе «Достоевский. Психоаналитические этюды». Здесь он анализирует повесть «Хозяйка», предваряя само исследование несколькими замечательными по своей деликатности заметками о психоаналитическом методе интерпретации художественных произведений.

Следует отметить, что к психоанализу в интерпретации произведений Достоевского прибегали многие исследователи. Среди наиболее значимых могут быть названы, в частности, труды следующих авторов: Павел Попов («“Я” и “Оно” в творчестве Достоевского»), который посвятил работу выявлению бессознательных аспектов творчества русского писателя; Иван Ермаков («Ф. М. Достоевский. Он и его произведения»), рассматривающий проблему преломления самоанализа писателя в его работах; а также Татьяна Розенталь («Страдание и творчество Достоевского. Психогенетическое исследование»).

Сам Бем отмечает растущую популярность этого метода. Он останавливается на основных понятиях психоанализа, применяемых к художественным произведениям. Исследователь полагает, что психоанализ смог более глубоко проникнуть в душевный мир человека, поскольку вскрыл «несколько общих законов, дающих руководящую нить при изучении явлений, связанных с проявлениями душевной жизни» (Бем, 2001: 245).

Среди важных понятий психоанализа Бем выделяет механизмы вытеснения, сублимацию, ущемленность, инфантилизм, а также концепцию «комплексов». По его мнению,

«нет буквально ни одной области наук о духе, где психоанализ не отразился бы на более углубленном изучении явлений, сюда относящихся. Не могла остаться вне влияния психоанализа и история литературы или — вернее — литературоведение. Наоборот, модно говорить о буйном вторжении психоанализа в область изучения литературы» (Там же: 246).

Однако, по мнению Бема, большинство психоаналитических работ, посвященных художественным произведениям, страдает существенными недостатками. Во-первых, «художественное произведение берется здесь как материал для другой области знаний, для психологии или психиатрии. Художник, его психический мир становится только объектом психического исследования» (Там же). Это значит, что оно становится объектом изучения с точки зрения психоанализа, но объект этот не является ценным сам по себе, а выступает лишь в качестве материала, примера, на котором можно продемонстрировать использование того или иного метода, в данном случае психоаналитического.

Во-вторых, в таких исследованиях не учитывается специфика построения самого художественного произведения: «Редко приходится встречаться у психолога или психиатра с учетом законов самого художественного творчества, которые, прежде всего, и определяют собою общее построение и отдельные частности литературного произведения» (Там же: 248). Бем критикует психоаналитическую интерпретацию за односторонний подход, не учитывающий специфику того, как строится и создается художественное произведение. Так, представители фрейдаизма, по мнению исследователя, в некоторых случаях явно злоупотребляли своей доктриной, сводя все к понятию сексуальности и перенесению ее в другие сферы жизни, например в политику. Бунтарство Достоевского выводилось лишь из эдипова комплекса, в то время как, по мнению Бема, оно имело намного более глубокие корни и не могло сводиться только к проявлению его одного. Эти недостатки привели к установлению определенных границ применения психоанализа в исследованиях литературы. Бем, таким образом, не только использует сам психоаналитический метод для анализа произведений Достоевского, но дает своего рода его методологическую рефлексия.

Подведем итоги. Во-первых, А. Л. Бем является выдающимся представителем русской эмиграции в сфере достоевведения. Он не только написал множество работ, посвященных творчеству Достоевского, но и закрепил статус исследователя-достоевиста институционально. Во-вторых, он был одним из первых исследователей, которые применили психоаналитический метод для интерпретации произведений Достоевского. Однако отличительной чертой творчества Бема в данном контексте является его рефлексия относительно самого психоанализа.

В отличие от своих современников, исследователь увидел в психоаналитическом методе не только положительные, но и отрицательные стороны. В частности, что психоанализ не уделяет внимания структуре художественного произведения, а само оно становится в психоанализа лишь материалом для демонстрации действия метода, лишаясь собственной ценности.

Литература

- Бем, 2001 — *Бем А. Л.* Исследования. Письма о литературе. М.: Языки славянской культуры, 2001.
- Бем, 1936 — *Бем А. Л.* У истоков творчества Достоевского // О Достоевском. Прага, 1936.
- Бубеникова, 2012 — *Бубеникова М.* Достоевский в диалоге с чешской литературой. URL: http://darovoe.ru/wp-content/uploads/2012/03/dost_dialog_kult.pdf (дата обращения: 30.07.2020).
- Васильева, 2009 — Васильева М. А.* Русская Прага о Достоевском. Рец. на книгу: Вокруг Достоевского: В 2 т. Т. 1. О Достоевском: сб. статей под ред. А. Л. Бема / сост., вступ. ст. и коммент. М. Магидовой. М.: Русский путь, 2007 // Сибирский филологический журнал. 2009. № 4. С. 169–172.
- Венгеров, 1915 — Венгеров С. А.* Стать настоящим русским — значит стать братом всех людей: (Из речи «Пушкин и Достоевский», сказанной на вечере, посвященном Достоевскому, 25 апреля 1914 г. в зале Городской думы) // Речь. № 114. 1915. 27 апреля.
- Давыдов, 1995 — *Давыдов С.* Альфред Людвигович Бем (1886–1945?) и «русская Прага» // Записки Рус. акад. группы в США. 1995. Т. XXVII. С. 89–98.
- Иванов, 1987 — *Иванов Вяч.* Собр. соч: В 4 т. Т. 4. Брюссель, 1987.
- Каутман, 2013 — *Каутман Ф.* К вопросу об актуальности произведений Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 20. СПб.: Нестор-история, 2013.
- Масарик, 2003 — *Масарик Т. Г.* Россия и Европа: Эссе о духовных течениях в России: В 3 т. Т. 3. СПб.: РХГИ, 2003.
- Осовский, 2005 — *Осовский О. Е.* Психоаналитический фон научных поисков Г. Я. Трошина второй половины 1920-х — 30-х гг. // Наследие Г. Я. Трошина в истории педагогики и психологии России и российского зарубежья: Межвуз. сб. науч. тр. Саранск: МГПИИ им. М. Е. Евсеньева, 2005. С. 62–69.

APPEAL TO THE WORK OF F. M. DOSTOEVSKY BY RUSSIAN EMIGRATION IN CHEKHIA: A. L. BEM AND THE PSYCHOANALYTIC METHOD OF INTERPRETING A WORK OF ART*

Yuliya I. Shcherbina

PhD in Philosophy,
Junior Researcher at International Laboratory
for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue.
National Research University “Higher School of Economics”.
21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.
E-mail: juliamyth@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the conversion around works of F. M. Dostoevsky which took place among Czech intellectuals, among whom there were a lot of immigrants from Russia. In this context, the example of Alfred Ludwigovich Bem is indicative. The article reveals main reasons for the interest in Dostoevsky in Czechoslovakia. An important role in the study of Dostoevsky was played by the so-called ‘Russian action of aid’ and ‘Russian trace’ left by the exiles in Prague. In this regard, A. L. Bem is interesting not only as a researcher who devoted many works to Dostoevsky’s work, but also as one of the founders of Dostoevsky’s first international society. Bem was also one of the first researchers who applied psychoanalysis to the interpretation of Dostoevsky’s literary works. He was also one of those who also analyzed the specifics of using psychoanalytic methods in literary criticism. The article reveals the methodological basis of Bem’s interpretation: attention is drawn not only to the connection between the theme “Dostoevsky and his Reader” and psychoanalysis (Bem’s ‘method of small observations’), but also to the origins of Bem’s interpretation of psychoanalysis associated with the formal school in literary criticism; the disadvantages of psychoanalysis as a way of interpreting a work of art are emphasized.

Keywords: F. M. Dostoevsky, A. L. Bem, psychoanalysis, Russian literature, Czech intellectual tradition

For citation: Shcherbina, Y. I., 2020. Appeal to the Work of F. M. Dostoevsky by Russian Emigration in Chekhia: A. L. Bem and the Psychoanalytic Method of Interpreting a Work of Art. *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 3(4), 146–157.

DOI: 10.17323/2658-5413-2020-3-4-146-157

* The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at HSE University and funded by the Russian Academic Excellence Project “5-100”.

References

- Bem, A. L., 2001. *Issledovanija. Pis'ma o literature* [Researches. Letters on literature]. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury.
- Bem, A. L., 1936. U istokov tvorcestva Dostoevskogo [At the origins of Dostoevsky's creativity]. In: *O Dostoevskom* [About Dostoevsky]. Praga.
- Bubenikova, M., 2012. *Dostoevskij v dialoge s cheshskoj literaturoj* [Dostoevsky in Dialogue with Czech Literature]. Available at: URL: http://darovoe.ru/wp-content/uploads/2012/03/dost_dialog_kult.pdf (Accessed 30.07.2020).
- Davydov, S., 1995. Al'fred Lyudvigovich Bem (1886–1945?) i "russkaya Praga" [Alfred Ludwigovich Boehm (1886–1945?) and "Russian Prague"]. *Transactions of the Association of Russian-American scholars in the U.S.A*, XXVII, 89–98.
- Ivanov, Vyach., 1987. *Sobranie sochinenii* [Collected works], 4 vols.. Vol. 4. Bryussel'.
- Kautman, F., 2013. K voprosu ob aktual'nosti proizvedenij Dostoevskogo [To the question of the relevance of Dostoevsky's works]. In: *Dostoevskij. Materialy i issledovanija* [Dostoevsky. Materials and researches]. Vol. 20. St. Petersburg: Nestor-istorija.
- Masarik, T. G., 2003. *Rossija i Evropa: Jesse o duhovnyh techenijah v Rossii* [Russia and Europe: Essays on Spiritual Techniques in Russia], 3 vols. Vol. 3. St. Petersburg: RHGI.
- Osovskij, O. E., 2005. Psihoanaliticheskiy fon nauchnyh poiskov G. Ja. Troshina vtoroj poloviny 1920-h — 30-h gg. [The psychoanalytic background of G. Ya. Troshin's scientific research in the second half of the 1920–30s]. In: *Nasledie G. Ja. Troshina v istorii pedagogiki i psichologii Rossii i rossijskogo zarubezh'ja: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [G. Ya. Troshin's legacy in the history of pedagogy and psychology in Russia and the Russian diaspora: Interuniversity collection of scientific works]. Saransk: MGPI im. M. E. Evsen'eva. 62–69.
- Vasil'eva, M. A., 2009. Russkaja Praga o Dostoevskom. Recenzija na knigu: Vokrug Dostoevskogo: V 2 t. T. 1: O Dostoevskom: sbornik statej pod redakciej A. L. Bema, sost., vstup. st. i komment. M. Magidovoj. Moscow: Russkij put' Publ., 2007 [Russian Prague about Dostoevsky. Review of the book: Around Dostoevsky: In 2 vol. Vol. 1. About Dostoevsky: Collection of works. Ed. A. L. Bem. Comments by M. Magidova]. *Sibirskij filologičeskij zhurnal*, 4, 169–172.
- Vengerov, S. A., 1915. Stat' nastojashhim russkim — znachit stat' bratom vseh ljudej: (Iz rechi "Pushkin i Dostoevskij", skazannoj na vechere, posvjashhennom Dostoevskomu, 25 aprelja 1914 g. v zale Gorodskoj dumy) [To become a real Russian — means to become a brother of all people: (From the speech "Pushkin and Dostoevsky", said at an evening dedicated to Dostoevsky, on April 25, 1914 in the hall of the City Duma)]. *Rech'*, 114, april 27.